

"Инженеров нужно готовить с детского сада"

В июле стало известно, что Ульяновский государственный университет вошел в число лидеров опорных вузов страны. С ректором УлГУ Борисом Костишко мы говорим о том, что университетская поддержка может дать региону и его жителям.

КАКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НУЖНЫ?

– Борис Михайлович, в прошлом году Ульяновский госуниверситет отметил 30-летие, для классического университета – это детский возраст. Тем не менее УлГУ часто появляется в разных рейтингах на хороших позициях. Что нужно, чтобы быстро добиться признания? Бежать в два раза быстрее эскалатора?

– Вообще это современная тенденция. Сейчас в мире есть два вида успешных университетов – с именем, богатой историей и молодые, активные, наглые, которые довольно быстро встают вровень со старыми эталонными университетами. Например, Карлов университет в Праге – один из старейших в мире, а рядом с ним, в Брно, – Масариков университет. Так вот он считается самым престижным в Чехии – по крайней мере, у иностранцев, – потому что очень быстро развивается. Именно потому, что наш университет очень молодой и у него нет такого мощного бренда, как МГУ, нам приходится постоянно что-то придумывать, принимать нестандартные решения, бежать вперед.

– Когда Ульяновский госуниверситет только создавался (в то время он был филиалом МГУ), тоже было принято нестандартное решение – готовить своих врачей и актеров. В итоге оно спасло Ульяновскую область от жесткого дефицита этих специалистов, потому что советская система распределения выпускников вузов вскоре рухнула. Получается, уже тогда университет стал опорным для региона в подготовке кадров?

– Тогда не было этого термина, но, по сути, так. Восемьдесят процентов врачей, которые работают сейчас в системе регионального здравоохранения, – выпускники нашего медицинского факультета. И все равно врачей не хватает. На каждого нашего выпускника – три заявки из минздрава. Так что медицинское направление и сейчас одно из самых востребованных и у абитуриентов, и у работодателей.

– Какие еще специалисты сейчас нужны региону и насколько быстро университет может реагировать на этот запрос?

– Авиационщики, автомобилисты, экологи... Очень перспективное направление – айти-технологии, причем в современной айти-компании программистов не так много, но ей необходимо много людей, которые обеспечивают их работу и доводят продукцию до конца. Это менеджеры, дизайнеры, системные администраторы... Всех этих специалистов мы давно готовим, и очень сложно назвать специальность, которую нельзя было бы открыть в классическом университете.

– То есть новые специальности можно открывать бесконечно?

– Можно, но не всегда это необходимо. Например, мы не готовим робототехников, но у нас есть свой Научно-исследовательский

технологический институт, где высококлассные инженеры делают потрясающих роботов под хорошие гранты.

Лет пять назад сделали для института Курчатова робота, который работает с радиоактивными образцами на электронном микроскопе. Сейчас для Росатома вместе с димитровградской научно-производственной фирмой "Сосны" мы работаем над линейкой роботов разного уровня интеллектуальности.

ЕГЭ СЛОМАЛ СИСТЕМУ

– Заканчивается приемная кампания. Что выбирают абитуриенты? И сокращается ли количество бюджетных мест?

– На самом деле оно постоянно увеличивается, но в сегменте инженерных специальностей. А у абитуриентов традиционно высокий спрос на юридическое и экономическое направление. В этом году самый большой конкурс был на специальности "Экономическая безопасность". Правда, в последнее время растет спрос на айти-технологии, причем среди айтишников много ребят, которые сдавали ЕГЭ по информатике.

– Как вы думаете, выпускники школ научились делать осознанный выбор профессии? Ведь система профилизации школьного образования работает уже много лет.

– Когда спрашиваешь выпускника: "Чем ты хочешь заниматься? Что об этом думаешь конкретно ты, а не папа с мамой?" – большинство отвечает: "Не знаю". Возраст инфантильности сильно увеличивается – не только у нас, но и во всем мире. Причина – в отрыве детей и молодежи от реальности, в их уходе в виртуальный мир, в том, что родители их обеспечивают, а значит, самим пахать необязательно. Вот и получается, что только в 25 лет человек чуть-чуть начинает соображать, чем он хочет заниматься. Да, профилизация в школе есть, но ожидаемого результата она пока не дала. Я на 100 процентов уверен, что в современном мире без университетов школа вообще невозможна.

– Что вам еще не нравится в школьном образовании?

– Думаю, что систему испортил ЕГЭ. Зачем в школе преподавать предмет, если можно просто натаскивать на решение отдельных вопросов? А университетам и экономике региона нужны не роботы, а умные люди, которые могут анализировать, решать многофакторные задачи – думать. Поэтому мы вынуждены приходить

в школы и готовить себе абитуриентов сами. А последние два года работаем даже с садиками. С разрешения губернатора получили под патронаж два детских сада и открыли там детские инженерные центры. Закупили демонстрационные конструкторы, которые позволяют собрать электрическую схему, ветряк, который генерирует электричество, и многое другое. Я был поражен, когда увидел своими глазами, как ребята изменили электрическую схему, чтобы она заработала. Дети младшего возраста – все гении, потому что они раскрепощены. Кстати, робототехникой мы занимаемся как способом профориентации, чтобы рассмотреть талантливых детей в школе, даже в детском саду, и дать им возможность отвлечься от экрана монитора, соцсетей и поработать руками. Не исключено, что кто-то из этих ребят потом будет работать над заданиями Росатома.

КАК ВЗЯТЬ БАНК?

– Вообще вуз – это прежде всего образовательная организация, а опорный вуз призван помогать региону решать социально-экономические задачи. Насколько это возможно? По идее, каждый должен заниматься своим делом.

– Это не только возможно, но и необходимо. Раньше выпускники вузов три года считались молодыми специалистами и доучивались на предприятии, потому что теоретических знаний недостаточно, чтобы получился специалист. В советское время были вообще заводы-вузы, где образование и обучение – два в одном.

Сейчас эта система утрачена, и мы стараемся проходить этот этап на базовых кафедрах предприятий, когда студента обучают не только университетские преподаватели, но и специалисты предприятия. Они дают ему задания и проверяют результат.

В итоге студент делает не отвлеченную дипломную работу, а выполняет конкретный проект "с земли", полезный для предприятия или территории.

– Откуда брать живые и актуальные проекты? Ведь это подразумевает очень плотное сотрудничество с субъектами региональной экономики.

– Взять банк проектов – самая большая проблема. Сейчас мы работаем над созданием проектных офисов в районах области, делаем форсайт-исследования, социологические исследования. Пытаемся создать условия, чтобы главы районов и их команды могли оценить

возможности своих территорий и понять, чего они хотят и что могут сделать. Понятно, что ресурсы ограничены, но есть огромное количество федеральных и региональных проектов, под которые можно получить гранты. Мы можем помочь упаковать проект, получить под него деньги и разумно их потратить.

– И получается сотрудничать?

– С десяток живых проектных офисов уже есть. Но проблемы с пониманием сути сотрудничества тоже существуют. Где-то его рассматривают так: "Придут ученые, расскажут, что делать". Другая крайность: "Ничего у нас никогда не изменится, идем на дно".

– А вы можете привести пример проблемы, которая актуальна для сельской местности и которую можно решить при грамотной организации процесса?

– Сейчас благодаря программе "Земский доктор" молодые врачи едут работать в сельскую местность. Но территория у нас большая, поэтому невозможно обеспечить каждый населенный пункт узкопрофильными врачами. Это очевидно. Значит, надо строить хорошие дороги, развивать санавиацию и, наконец, – телемедицину, с помощью которой в самом отдаленном районе области можно получить в режиме реального времени консультацию высококлассного специалиста. Телемедицина – одно из направлений нашей деятельности.

– Борис Михайлович, из нашего региона уезжает немало молодежи. И это, возможно, одна из самых больших его проблем. У вас есть аргументы в пользу того, что жить и учиться надо в Ульяновске?

– Не в моих правилах отговаривать, если решение созрело. Но я считаю разумным, если человек осознает, зачем он совершает тот или иной поступок. Иначе ему не миновать разочарований. Что в других городах есть такого, чего нет у нас? Другие возможности? Но возможности всегда потенциальны, и они определяются нашими способностями. Если вы считаете, что у вас есть энергия, чтобы что-то сделать, надо искать точку приложения сил и определить для себя, почему вы ее не нашли в своем городе. Что помешало? Если есть ответы на все эти вопросы, и все-таки хочется уехать, то в добрый путь. И потом, когда человек уезжает с любовью к своей родине в сердце, родина расширяет свои границы за пределы региона. Успешный пример этого – ульяновское землячество в Москве, некий своеобразный "филиал" Ульяновска в столице. Но на всякий случай скажу: чем больше я езжу по другим городам, тем больше мне нравится Ульяновск. Это на самом деле классный город.

Татьяна ЗАХАРЫЧЕВА,
"Аргументы и факты".

